

S T U D I A P H I L O L O G I C A

А. Д. Кошелев

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
КОНЦЕПТОВ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2015

УДК 80/81
ББК 81
К 76

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»

Кошелев А. Д.

К 76

Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. —
М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. — 280 с.—
(Studia philologica).

ISBN 978-5-9905759-9-8

В книге излагается референциальный подход к описанию основного лексического значения. Оно задается не толкованием, а дуальной структурой когнитивных единиц «Прототип — Ядро», где Прототип — это визуальная характеристика т и п и ч н ы х референтов слова (он помогает понять услышанное слово), а Ядро — функциональная характеристика в с е х референтов слова (оно обеспечивает его референцию).

В первой главе в референциальном ключе определяются основные значения конкретной лексики (существительных и глаголов): *стул, кресло, табурет, банан, букет, дерево, озеро; ударить, падать, брать / взять, взбираться, рисовать, стоять, сидеть, лежать, висеть, идти, бежать, ползти, шагать, прыгать, ехать*.

Вторая глава посвящена абстрактным словам типа *игра, живой*. Общего Прототипа они не имеют, поэтому их основное значение сводится к Ядру. В главе даны определения основных значений (Ядер) слов *игра / играть, свобода, сейчас, старый, время, живой / живое*. В заключительном параграфе рассмотрен концепт КОМИЧЕСКОЕ. Указано различие между просто смешной и комичной ситуацией, дано определение концепта и высказана гипотеза о функции смеха.

Книга предназначена для специалистов в области теоретической и когнитивной семантики, теории референции и лексикографии. Она будет полезна также более широкому кругу читателей, интересующихся природой значения слова и его номинативными возможностями.

УДК 80/81
ББК 81

В оформлении переплета использована картина Рене Магритта «Стул»

ISBN 978-5-9905759-9-8

© Кошелев А. Д., 2015

© Рукописные памятники Древней Руси, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	I–II
Введение	III–XII
Глава 1.	
Референциальный подход к описанию знаменательной лексики	7
§ 1. О референциальном подходе к лексической семантике	7
§ 2. Анализ основных значений глаголов действия <i>ударить</i> , <i>коснуться</i> , <i>толкнуть</i> , <i>падать</i> , <i>брать / взять</i> , <i>взбираться</i> и <i>рисовать</i>	35
§ 3. Глаголы неподвижного положения в пространстве <i>стоять</i> , <i>сидеть</i> , <i>лежать</i> и <i>висеть</i>	65
§ 4. Глаголы движение <i>идти</i> , <i>бежать</i> , <i>ползти</i> , <i>шагать</i> , <i>прыгать</i> и <i>ехать</i>	79
§ 5. Об основаниях когнитивной классификации предметов и действий	105
Приложение 1.	
Извлечения из электронной переписки А. Д. Кошелева и И. А. Мельчука	129
Приложение 2.	
Раннее усвоение ребенком законов физического мира	139
Глава 2.	
Анализ основных значений абстрактных слов	145
§ 1. Образуют ли игры строгую категорию?	146
§ 2. Основное значение слова <i>свобода</i>	169
§ 3. Система значений наречия <i>сейчас</i>	175
§ 4. Универсальное прилагательное <i>старый</i>	187
§ 5. Концепт ВРЕМЯ	199
§ 6. Концепт ЖИВОЙ / ЖИВОЕ	211
§ 7. О сущности комического (концепт КОМИЧЕСКОЕ).....	221
Приложение.	
О профессоре БАЕВСКОМ. Воспоминания ученика	243
Литература	256
Указатель лексем	264
Указатель имен	265

БЛАГОДАРНОСТИ

Настоящая книга — результат многолетних размышлений над проблемами лексической семантики. На разных этапах работы мне существенно помогали советы и критические замечания В. Г. Бондаренко, С. А. Жигалкина, М. И. Козлова, И. А. Мельчука, Н. В. Перцова, Т. В. Самариной, Е. Г. Сметанниковой, В. В. Столяровой и Е. С. Яковлевой.

Пожалуй, наибольшая нагрузка выпала на долю моей жены Е. С. Яковлевой. Коснусь лишь этапа работы над книгой. Мало того что на протяжении почти всего этого времени она вычитывала сырые тексты, так еще параллельно ей приходилось быть испытуемой в моих «референциальных экспериментах», т. е. отвечать на вопросы типа:

— О выкипающем кофе корректно сказать *Кофе бежит*. О молоке — тоже. А сказать *Вода бежит* корректно? Нет? Хорошо, а сказать *Суп бежит*, нормально? Сомнительно? Ну а каша, густая перловая каша, бежит или нет? Нет? Ну прости, последний вопрос: а жидкая манная каша при выкипании бежит? Да или нет? Так, теперь напоследок вопрос, из другой оперы: нормально сказать *Муха бежит по столу*? Или она всегда только ползет?..

— Послушай, если пианист солирует, то он играет. А если он аккомпанирует? Корректно сказать, что и в этом случае он играет? Нет? Хорошо, а если он импровизирует, можно сказать, что он играет? Тоже нет? Понятно...

С М. И. Козловым мы вместе начинали изучение языковой семантики, что отражено в двух ранних совместных публикациях. Позднее стремление М.И. к философским осмыслениям языковых проблем и критика с этих позиций моих, зачастую гораздо более конкретных, построений, делали наши обсуждения и споры практически нескончаемыми. Не помню случая, чтобы мы пришли к согласию. Тем не менее каким-то парадоксальным образом эти

споры делали свое дело: мои работы, похоже, обретали бóльшую ясность и, как следствие, — убедительность.

Наше научное сотрудничество с Н. В. Перцовым разделяется на два этапа. Первый этап (1995—1996 гг.) связан с подготовкой и изданием в 1996 г. «Московского лингвистического альманаха», вып. 1. На этот период пришлось интенсивные обсуждения ряда окончательных, как мне тогда казалось, результатов, полученных на основе развиваемого мною референциального подхода к описанию лексики. Весьма важным для меня в этом смысле был семинар по семантике, который мы с Н.В. в то время вели в РГГУ. В рамках второго этапа нашего научного сотрудничества, начавшегося несколько лет назад, Н.В. прочел бóльшую часть настоящей книги. Высказанные им замечания и советы оказались для меня весьма полезными.

Важную роль в кристаллизации моих научных взглядов сыграли обсуждения некоторых проблем лексической семантики с И. А. Мельчуком. Наиболее интенсивный характер эти обсуждения носили в 1995 г. (см. нашу переписку в Приложении 1 к первой главе) и в 2005 г., что нашло отражение в двухчасовом интервью, которое мне дал И.А. (в нем речь шла в том числе о некоторых общих вопросах функционирования языка). Несмотря на антагонизм наших позиций практически по всем обсуждавшимся вопросам, эти дискуссии оказались для меня чрезвычайно полезными.

В своих работах я стремился включать конкретные исследования в более широкий научный контекст, иногда далеко выходящий за пределы классической лингвистики. Особую роль в этом плане сыграло мое общение с философом и математиком С. А. Жигалкиным. Знаток античной философии, он не раз указывал на древнегреческие источники моих «синхронических» построений, помогая мне тем самым восстанавливать «связь времен».

Дорогие соавторы! Всем вам, а также коллегам, не упомянутым в моем коротком списке (критические замечания и конструктивные предложения поступали и от многих других исследователей) — моя огромная благодарность.

Нечего и говорить, что за неточности, сомнительные утверждения и ошибки в тексте книги несу ответственность только я сам.

А. Д. Кошелев,
4 мая 2015 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Общие принципы построения семантической теории.

В нескольких недавних публикациях мы подробно рассмотрели кризис, охвативший теоретическую лингвистику во второй половине XX в. [Кошелев 2013а; 2013б; 2015а]. Сущность этого кризиса заключается в том, что уже более полувека в лингвистике существует одновременно множество несовместимых концепций языка: Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И. А. Мельчука, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Т. Гивона, Ч. Филлмора (грамматика конструкций), А. Вежбицкой и др. В результате этого, лингвистическое сообщество разделилось на ряд противоборствующих или просто игнорирующих друг друга научных школ. Новые результаты в изучении языка, полученные в рамках одной теории, скажем генеративного подхода Н. Хомского и его школы, не признаются сторонниками другой теории, скажем когнитивного подхода к языку, например Дж. Лакоффом и его коллегами. В результате оказывается, что теоретическая лингвистика движется по нескольким расходящимся, удаляющимся один от другого путям. А значит, не происходит накопления и углубления объективных научных знаний о языке как целостном объекте.

Естественным образом общетеоретический антагонизм проецируется и на семантические концепции, причем это касается не только относительно далеких, но и достаточно близких теорий, таких, например, как теории Дж. Лакоффа [Лакофф 2004] и В. Эванса [Эванс 2015] (см. их сопоставительный анализ в [Кошелев 2015б: 330—335]). Таким образом, общелингвистический кризис не обошел и область семантических исследований.

Данная книга призвана преодолеть сложившуюся кризисную ситуацию в теоретической семантике. Предлагаемый нами референциальный подход к описанию лексических значений базируется на трех фундаментальных принципах, которым, на наш взгляд, должна удовлетворять любая семантическая теория. Принятие

лингвистическим сообществом этих принципов позволит вернуть исследование языковой семантики в привычное для любой науки русло, когда для объяснения того или иного явления используется одна доминирующая теория (подобная теории Дарвина в эволюционной биологии) или две-три конкурирующие (как в общей теории поля в современной физике).

Дадим сначала самые общие формулировки. Семантическая теория должна:

1) объяснять механизм образования новых лексических значений слов носителями языка;

2) объяснять механизм формирования у ребенка первых представлений о лексических значениях слов;

3) опираться при определении лексических значений не на вербальные описания (толкования), а на специальную систему когнитивных понятий (подобно любой другой науке, использующей не естественный, а свой собственный язык для описания своих объектов).

Здесь нет возможности обсуждать вопрос, почему именно эти принципы столь важны. Отметим лишь, что это — набор необходимых принципов. Они тесно связаны между собой, и при исключении любого из них два оставшихся утрачивают свое значение.

Рассмотрим наши принципы подробнее.

2. Многозначность лексики. Одним из фундаментальных свойств лексики является ее многозначность. Причем это многозначность особого рода. Носители языка в своей речи употребляют слова не только в их узуальных (общеизвестных и зафиксированных словарями) значениях. Они постоянно используют слова в окказиональных, т. е. в новых, неизвестных и не встречавшихся им ранее значениях. И, несмотря на новизну окказионального употребления слова, окружающие, как правило, хорошо его понимают¹.

¹ Как отмечал в конце XIX в. Г. Пауль, значение, приобретаемое словом в конкретном акте употребления, не обязательно должно совпадать с его узуальным значением. Пауль называл окказиональным значением то содержание, которое говорящий связывает с этим словом в момент его произнесения и которое, как полагает говорящий, свяжет, в свою очередь, и слушатель с этим словом [Пауль 1960: 93—94].

Например, к матери подбегает запыхавшийся, часто дышащий сын, и она ему говорит: *Ах ты, моя собачка*, уподобляя сына их маленькой собачке, которая так же мелко и часто дышит. Подчеркнем: это свойство не является типичным для собак в целом, но оно характерно для собаки, которую и мать, и сын хорошо знают. Следовательно, таких окказиональных значений у слова *собака* может быть столько, сколько частных свойств может быть у собаки, т. е. в принципе бесконечно много².

Через минуту о таком окказиональном употреблении слова *собака* уже никто не вспомнит. Оно больше не повторится в других ситуациях, а потому не осядет в памяти носителей языка и не превратится в новое узуальное значение.

Ю. С. Маслов называл такие употребления мимолетными [Маслов 1987: 104]. Они, повторимся, не хранятся в памяти носителей языка и не фиксируются словарями. Возможно, поэтому они оказались на периферии современной отечественной лексикологии, поскольку, как отмечает Анна А. Зализняк, «с л о в а р ь стал сейчас, по-видимому, самым популярным жанром лингвистической литературы ([Зализняк Анна 2001: 13], выделено автором. — А. К.); см., впрочем, [Лещева 2013: 204].

Между тем окказиональные употребления слов представляют главное свойство человеческой лексики, отличающее ее от знаков всех других известных «языков»: систем коммуникации животных; языков-посредников, используемых «говорящими» антропоидами (Уошо, Канзи и др.); по-видимому, от протоязыка — непосредственного предшественника общечеловеческого праязыка³; от языков программирования (Бейсика, Паскаля и пр.); языка

² По-русски можно в сердцах сказать о вероломном человеке или нашкодившем животном *Ах ты, собака!* Ср. также следующий анекдот. Немец (согласно русскоязычным народным представлениям, человек весьма аккуратный, педантичный), изучавший русский язык, приехал в российскую деревню проверить свои знания. В первый же день он встретил старушку, которая гнала гусей, крича им вслед: «Пошли вон, козлы поганые!» — «Бабушка, — спрашивает он, — почему ты гусей называешь козлами?» — «Да потому, что эти свиньи весь мой огород истоптали, собаки!»

³ В статье [Кошелев 2013в] мы стремились показать, что лексический протоязык [Бикертон 2012] — непосредственный предшествен-

математики и др. Именно способность носителей языка порождать и понимать окказиональные употребления слова делает множество его значений потенциально бесконечным (неограниченная, или бесконечная, полисемия)⁴.

В свете сказанного становится понятным, что одна из главных проблем лексикологии связана с объяснением механизма образования у слова новых значений, как узуальных, так и окказиональных.

Всякое окказиональное употребление слова возникает в результате семантической деривации — своеобразной модификации уже известного, узуального значения. Можно предположить, что в процессе употребления слов говорящий в любой момент может использовать механизм семантической деривации. Если для решения текущей номинативной задачи у него не нашлось адекватного узуального значения, включается этот механизм. Говорящий выбирает слово с подходящим значением и формирует на его основе новое, окказиональное употребление. В случае если это употребление в дальнейшем «приживается», т. е. становится высокочастотным в речи носителей языка, оно оседает в их долговременной памяти, превращаясь в новое узуальное значение. И наоборот, если узуальное значение перестает активно использоваться, оно забывается и элиминируется.

Итак, механизм семантической деривации, порождающий окказиональные употребления, является главным участником процесса формирования новых значений лексики. Поэтому, в соответствии с первым принципом, семантическая теория должна объяснять его работу.

3. «Значение есть концепт». В рассмотренном только что процессе неявно предполагалось, что у слова уже есть хотя бы одно значение. Естественно задаться вопросом: а как у слова появляется первое (и основное) узуальное значение, из которого затем

ник общечеловеческого праязыка — обладал однозначной лексикой, а при трансформации в праязык его лексика обрела вторичные, переносные значения и стала многозначной.

⁴ Как отмечается в [Лещева 2013: 193], согласно подсчетам Д. Хофмана, в среднем англоговорящий употребляет около 3000 новых окказиональных значений в неделю [Stachowiak 1985: 561].

формируются другие значения — переносные узуальные и окказиональные? Чтобы найти ответ, необходимо понять, как у ребенка в процессе усвоения слов родного языка формируются их первые, или исходные, значения.

Согласно когнитивным исследованиям Э. Рош с соавторами, исходными значениями детской лексики становятся базовые концепты, которые формируются у ребенка до начала усвоения слов и первыми получают словесные имена [Rosch et al. 1976: 435], ср. также:

Когнитивные модели... основываются на гипотезе, согласно которой «значение есть концепт». Это интуитивное представление идет еще от античных стоиков и Платона [Seuren 1998]. Согласно этим представлениям, пониманию слов *dog* или *собака* предшествует формирование концепта. В данном случае это мысленный образ млекопитающего средних размеров. Таким образом, концепт существует прежде лингвистических процедур, то есть он сформирован до того, как станет известно обозначающее его слово [Фитч 2013: 151—152].

Итак, исходными, или основными, значениями усваиваемых ребенком существительных становятся базовые концепты, возникающие (в своем первоначальном виде) до освоения родного языка и независимо от него в результате когнитивного развития ребенка и его взаимодействия с окружающим миром. Здесь мы реализуем второй принцип — объясняем появление первых представлений о лексических значениях слов у ребенка.

4. Когнитивный язык. Из сказанного с неизбежностью следует необходимость третьего принципа — опираться при определении лексических значений не на вербальные описания (толкования), а на специальную систему когнитивных понятий. В самом деле, если основное значение слова — это базовый концепт, т. е. сугубо когнитивное понятие, то, для того чтобы объяснять применение к нему механизма семантической деривации, необходимо иметь его когнитивное (а не вербальное) определение. Следовательно, семантическая теория должна иметь свой набор когнитивных понятий и конструкций, посредством которых можно было бы адекватно определять базовые концепты и процедуры семантической деривации. А это означает, что в семантической теории

все лексические значения, как узуальные, так и окказиональные, должны получать описания на этом когнитивном языке. Ведь вновь возникшее узуальное значение может подвергнуться дальнейшей семантической деривации.

5. Референциальная семантическая теория. Рассмотрим кратко развиваемую нами версию семантической теории, реализующую три перечисленных выше принципа. Мы будем называть ее референциальной теорией, или референциальным подходом. В рамках этого подхода мы принимаем две дополнительных гипотезы.

Первая гипотеза. Имея в виду, что «значение есть концепт», мы определяем основное значение следующим образом:

- (1) Основное значение существительного (= базовый концепт) =
Прототип (Образ, Форма) референтов слова ← семантическое
Ядро (\approx Функция) референтов,

где Прототип — это типичный внешний облик референтов слова, их перцептивная, главным образом визуальная, характеристика, а семантическое Ядро, или Функция, — это недоступная восприятию интенциональная, антропоцентрическая характеристика, присущая всем без исключения референтам и отражающая ту роль, которую они играют для носителя языка в рамках его категориальной таксономии мира. Стрелка (\leftarrow) обозначает отношение интерпретации: Ядро приписывается Прототипу как его содержание, смысл.

Как мы показываем на ряде конкретных примеров, именно посредством Ядра (Функции) основное значение задает строгую категорию референтов слова, которая присуща всем без исключения референтам и отражает их специфическую роль для человека.

Вторая гипотеза. Механизм семантической деривации обеспечивается тремя процедурами: образованием метафор, метонимий и синекдох. Все остальные процедуры, часто указываемые различными авторами [Пауль 1960: 114—122], сводятся к перечисленным.

Будучи примененными к значению слова и его составляющим, эти процедуры порождают различные варианты семантической деривации данного значения — производные значения и их употребления.

Для иллюстрации сказанного рассмотрим систему значений слова *тарелка*. В соответствии с (1) получаем:

(2) **Тарелка 1** (основное значение) =

Прототип (типичный Образ, Форма): «Круглый плоский предмет с приподнятыми краями» ←

Ядро (примерно): «Функция: это — контейнер для порции готовой к употреблению пищи для одного человека, чтобы он начал есть ее небольшими частями, ПОЭТОМУ характерные Действия: в него кладется пища, а затем человек ложкой или вилкой перемещает небольшие части этой пищи себе в рот».

Ядро (функционально-каузальная характеристика референта) объясняет функцию референта и причину действий с ним: человек кладет в тарелку порцию пищи, обособляя ее как свою, чтобы съесть определенным образом — перемещать в рот небольшими частями. Именно ядро задает категорию «Тарелка». С одной стороны, с помощью ядра отклоняются предметы, не удовлетворяющие прототипу. К примеру, сковородка без ручки имеет форму тарелки, и, более того, человек может есть из нее, скажем, поджаренную яичницу. Но назвать сковородку тарелкой нельзя, поскольку ядро требует, чтобы в контейнер помещалась «порция готовой пищи». Блюдо тоже нельзя назвать тарелкой. Оно часто имеет вид большой тарелки, но функция у него иная. Это контейнер для размещения в нем пищи для нескольких человек. И действия с ним осуществляются другие: из него сидящие за столом берут порции пищи и либо кладут в свои тарелки, а затем только начинают есть (порции жаркого), либо сразу начинают есть, держа в руке (пирожки). По схожим причинам и блюдце нельзя назвать тарелкой. С другой стороны, благодаря ядру мы называем словом *тарелка* предметы, не соответствующие прототипу или указанному действию. Например, блины могут подаваться на совершенно плоской одноразовой тарелке; в походе нередко печеный картофель берут из тарелок не вилками, а пальцами.

Заметим, что словарные толкования (*Тарелка* — ‘Столовая посуда с плоским дном и приподнятыми краями’ [МАС, IV: 341]; *Plate* — ‘A flat container with low sides, for serving food from or cooking food in’ [Longman 2009: 484]) не пригодны для решения этих задач.